

The background of the book cover is a colorful illustration of the Ten Commandments tablets. The tablets are white with black outlines and Hebrew text. They are held by a hand, with another hand visible at the bottom, reaching up towards them. The background features stylized green and blue clouds and rays of light.

БРАТ ТАЙ.

А · ТАКЖЕ · КРИСТОФЕР · БАКЛИ
И · ДЖОН · ТИРНИ

ГОСПОДЬ – МОЙ БРОКЕР

СЕМЬ · С · ПОЛОВИНОЙ · ЗАКОНОВ
ДУХОВНОГО
И · ФИНАНСОВОГО · РОСТА

Купить книгу на сайте [kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Оглавление

От автора	7
Глава первая	
Кризис в монастыре. Аббат находит себе гуру.	
Инсайдерская информация от Господа	11
Глава вторая	
Первый класс всегда и везде. Необычный выговор.	
Второй звонок Брокера моего	35
Глава третья	
Прибытие Филомены. Аббат обновляет интерьер.	
Монахи снимают рекламный ролик	49
Глава четвертая	
In Vino Veritas, или Истина в вине.	
Неожиданный визитер. Нагорная проповедь	75
Глава пятая	
Ватикан огорчен. Аббат разобижен.	
Партия в библейские шахматы	103
Глава шестая	
Пилигрим монсеньор отдохает. Призрак по имени	
Себастьян. Рим недоволен. Неприятный сюрприз	133
Глава седьмая	
Палермские связи. Телекошмар. Последняя подсказка.	
Алло, аббат ищет таланты. Удивительный финал	177
Глава седьмая с половиной	
Письмо аббата. Новая миссия Каны.	
Последний и величайший закон	225
Об авторе	235

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кризис в монастыре. Аббат находит себе гуру. Инсайдерская информация от Господа

Тот день, как и все дни в монастыре Каны, начался с пепрозвона колоколов и шарканья обутых в сандалии ног по растрескавшемуся линолеуму. Когда-то полы отделали отполированным мрамором, но мраморные плиты давно были проданы, чтобы оплачивать наши нужды в трудные времена. Мы уже привыкли к бедности, но в то холодное сентябрьское утро никто и представить не мог всю тяжесть нашего положения.

Начинался второй год моего монашества, и я был счастлив получить позволение говорить после традиционного года молчания.

Весь прошедший год я задавался вопросом, что думают собратья обо мне, сменившем треволнения брокера с Уолл-стрит на жизнь, исполненную созерцания; набитый

бумагами портфель — на четки; гомон торговой площадки на бирже — на григорианские песнопения. Однажды, на коленях отскребая растрескавшийся линолеум и стараясь при этом тереть не слишком сильно, чтобы не добавить трещин, я услышал, как брат Фабиан говорит брату Бобу: «Наверное, наш брат Финансовый Воротила (англ. Tycoson — Тайкун. — Прим. ред.) купил дорого, а продал за копейки!» Колкое прозвище прижилось, и с тех пор монахи стали называть меня «брат Тай». Никогда еще обет молчания не давил на меня так тяжко — однако я напомнил себе, что именно по этой причине я и стал искать спасения от мира, цепко ухватившего меня.

Да и что греха таить — тот монах был совсем недалек от истины.

Увольняя меня из компании, генеральный директор сказал:

— И как же ты умудрился потерять столько денег наших клиентов на одном из ярчайших за всю историю бычьих торгов?

Ответить было нечего. Выйдя из здания, я направился вверх по улице в бар Слэттери.

— Доброе утро! — поздоровался хозяин. — Как обычно?

Как обычно? Сколько же утренних часов я потратил здесь, перелистывая «Уолл-стрит джорнэл» и накачиваясь «Кровавой Мэри»?

— Слэттери, — ответил я, — позволь спросить тебя как друга: как думаешь, у меня проблемы с выпивкой?

Тот задумчиво взглянул на меня.

— А это как-то мешает твоей работе?

— Больше нет, — ответил я честно.

Все прочее, случившееся в тот день, полностью выпало из моей памяти; а придя в себя, я обнаружил, что лежу ничком в кладовке, рядом — стойка бутылок с этикетками «Кана 20-20». Приложив некоторые усилия и испытывая боль во всех конечностях, я встал на колени и изучил бутылку, в которой, похоже, было красное вино с легким оранжевым оттенком. Я открутил крышку и сделал глоток. Раньше мне не доводилось пробовать смесь порошкового напитка «Кул-Эйд» с аккумуляторной кислотой, но, думаю, жидкость, полившаяся мне в рот, имеет именно такой вкус. Выплюнув вино, я бросился в туалет, чтобы скорее прополоскать рот от отвратительных песчанистых остатков. Я пялился в зеркало, вычищая из зубов нечто похожее на кусочки ржавчины, когда меня обнаружил Слэттери. Он уже собрался закрывать заведение на ночь, но я выпросил чашечку кофе, чтобы окончательно перебить кислый привкус.

Слэттери привел меня обратно в бар и налил горячий напиток.

— Знаешь, — произнес он, видя, как я, обжигаясь, глотаю кофе, — может, ты просто не создан для Уолл-стрит. Я видел, как ты сидишь тут по утрам, и знаешь, что мне казалось? Будто ты страстно мечтаешь об одном: как бы поскорее убраться подальше от Большого табло! Но для этого вовсе не нужна бутылка.

Его слова обожгли меня посильнее кофе — хотя и не так сильно, как вино. Возможно, я действительно не годился для Улицы Финансистов.

— Уезжай отсюда, — посоветовал Слэттери. — Езжай в провинцию. Помнишь, как выглядит зеленая травка?

Он показал на настенный календарь; с этого расстояния было похоже, что на нем изображено деревенское поле с пасущимися коровами. Впрочем, возможно, это были овцы. Состояние, в котором я пребывал, не позволяло отличать то, что ярко, от того, что прекрасно.

— Это овцы или коровы? — промямлил я.

— Это монахи — разуй глаза, пьяная ты башка.

— И правда...

Я рассмотрел сельскую идиллию: монахи предавались пасторальным занятиям. Может, там изображены и овцы. Судить о том было явно не мне.

— А почему монахи? — задал я вопрос.

Хозяин пожал плечами.

— Именно они делают вино «Кана 20-20».

Я содрогнулся и поспешил глотнуть еще кофе.

— Кажется, оно не пошло мне впрок. Извини, я пролил немного в кладовке, сейчас приберусь.

— Пустяки, — махнул рукой Слэттери. — Я не подаю это вино посетителям, предлагаю только забулдыгам. Но местечко славное, сами они — добрые души, и, черт возьми, разве это не причина, а?

— О ком ты говоришь? — не понял я. — Об овцах или о монахах?

К тому моменту мутные оконца моей несчастной души расчистились настолько, что я смог разглядеть изображенную на календаре сцену. На заднем фоне, возвышаясь над работающими в винограднике монахами, на зеленом холме стояло кирпичное здание, а рядом — церковь.

— Похоже, славное местечко.

— Я был там, когда умерла моя жена, — сказал Слэттери. — У них есть комнаты для гостей — так, ничего особенного, просто койки, где можно отдохнуть. Таких

мирных каникул за всю жизнь не припомню. Тебе должно понравиться. Хотя знаешь, возможно, винодельня сейчас не самое лучшее для тебя место.

— Слэттери, — заявил я, — даже в центре Бетти Форд* никто бы не прикоснулся к этому пойлу.

Хозяин бара улыбнулся, а я отпил еще кофе.

— Ну, — раздумывал он, — возможно, Кана действительно тебе подойдет.

— А это далеко от Уолл-стрит?

— Пара сотен миль, — сообщил Слэттери. — Немного не доехая до канадской границы.

* * *

В Канаду я действительно не попал; неделя в гостином доме монастыря Каны растянулась на два года, а каникулы стали жизненным призванием.

Было приятно, распевая в то сентябрьское утро псалмы с другими монахами, ощущать себя так далеко от бренного мира, со всеми его потерями, приобретениями и абсолютным непониманием истины.

Когда, исполняя рутинные дела, я собирался выйти и посмотреть, как виноградники пережили ночные заморозки, аббат сделал объявление.

— Прежде чем вы приступите к своим делам, — сказал он, — прошу всех собраться в калефактории**. Мне нужно вам кое-что сказать.

* Организация по борьбе с алкоголизмом и наркотической зависимостью, основанная Бетти Форд, супругой американского президента Джеральда Форда. Сама Бетти Форд в течение 20 лет страдала алкоголизмом и наркозависимостью. *Прим. пер.*

** Калефакторий — с лат. «обогреваемое помещение». Обычно монахи собирались там, чтобы беседовать у огня. *Здесь и далее — прим. авт. (если не указано иное).*

Мы собирались за складными ломберными столиками: сдвинутые вместе, они напоминали великолепный флорентийский стол XV века — тот, который мы были вынуждены продать, чтобы на вырученные средства починить крышу.

Сидевший рядом брат Боб прошептал: «Еще одно объявление. Что он собирается продать на этот раз? Нас?»

Аббат встал перед нами — живое воплощение изнурения. Это был мужчина, которому давно перевалило за пятьдесят, грудь колесом; он говорил гулким баритоном и отличался сердечными манерами, вселявшими в нас долгими зимними месяцами бодрость духа; несомненно, именно эти качества и обеспечили ему титул легендарного капитана футбольной команды Святого Креста. Но тем утром, в бледных рассветных сумерках, обычно красное лицо нашего аббата казалось усталым и измученным. Постоянная необходимость отбиваться от кредиторов, наблюдая при этом, как монастырь в буквальном смысле разваливается на части, не могла не наложить на него отпечаток. В последнее время аббат нередко допускал ошибки, и кое-кто из старых монахов поговаривал, что отца настоятеля часто заставали бормочущим ругательства на латыни.

В то утро я увидел в глазах нашего аббата то, чего никогда не видел прежде: отчаяние.

— Братья, — обратился к нам аббат, — сначала хорошие новости: без сомнений, все мы неукоснительно соблюдаем обет бедности. — Он поднял вверх руку с зажатыми в кулаке банкнотами. — У нас в наличии 304 доллара. Банковский счет пуст. Кредит исчерпан. И не осталось

ничего ценного, что можно было бы продать. — Аббат тяжело вздохнул. — Если только торговцы антиквариатом внезапно не проявят интерес к нашему винтажному линолеумному покрытию. Есть только один автомобиль на ходу, и к нему — четверть бака горючего. Нет никакой надежды, что люди, стремящиеся к отшельническому житию, приедут к нам на проживание, если только не предпринять что-либо в отношении водопровода, канализации, а также — не в укор брату Тому — качества пищи.

Последние четыре месяца мы существовали в основном на продовольственные талоны; изредка нам доставались консервы из кукурузы с бобами и свеклы, которые, по словам жертвовавшего их благодетеля, падали с грузовиков на федеральной трассе.

— Я снова обратился к нашему начальству в Ватикане.

Наш монастырь — все, что осталось от некогда процветавшего ордена Святого Фаддея. Его основатель был кающимся грешником, пламенным в своей вере. Он жил в XII веке и перед тем, как претерпеть мученичество от рук султана Омара Великодушного, привел наш орден под покровительство самого папы. Но после одного печального инцидента, случившегося десять лет назад, наши отношения со святым престолом в Риме стали весьма напряженными. Однажды, как велела традиция, монастырь отослал первую партию вина нового урожая папе римскому, и так случилось, что его святейшество, выпив стакан вина за трапезой, заболел. Хотя так и не было достоверно доказано, что причиной недомогания стало именно наше вино, химический анализ показал присутствие в нем некоторого количества примесей.

— И вот Ватикан снова отклонил нашу просьбу о финансовом вспомоществовании, — сказал аббат. — Я предупредил, что придется закрыть винодельню, но это не подействовало. И если честно, кто их осудит?

По голосу аббата было слышно, что он пытался сохранять самообладание.

— Оборудование нашей винодельни безнадежно устарело. Из-за проблем с качеством все дилеры отказываются закупать вино с этикеткой Каны, за исключением одной компании, принадлежащей дядюшке нашего брата Теодора. Но теперь даже его преданность и лояльность на исходе. Вчера, после того как попробовал вино Каны нового урожая, дядюшка Лео позвонил мне. Он добрый человек. Но мне показалось, что его милосердие подверглось слишком суровому испытанию.

— Что он сказал? — спросил брат Тео.

— Он красочно живописал свои проблемы, с которыми столкнулся, пытаясь проглотить вино. Хотя он не отказывается вести с нами дела, но все же говорит, что не знает ни одного винного магазина в Америке — даже в самой убогой глубинке, да и вообще где-либо в цивилизованном мире, — который пожелал бы купить у него это вино за любую цену. Он спросил, не думали ли мы о том, чтобы продавать этот напиток в качестве промышленного растворителя. Я уверял, что, должно быть, ему пришла неудачная партия. Как бы то ни было, на следующей неделе он приезжает попробовать вино нового урожая, и я не думаю, что после этого он еще когда-нибудь нам поверит. Господь не ожидает от нас умения превращать воду в вино, так что мы обязаны подумать, как делать его из винограда. Если не сумеем, лучше поискать другое занятие, потому

что, когда мы потратим последние 304 доллара, Кане придет конец.

Воцарилось глубокое молчание — необычное даже для монастыря, где и так всегда тихо. Тут заговорил брат Алджернон:

— То есть вы хотите сказать, что монастырь придется закрыть?

— Правила ордена Святого Фаддея требуют, чтобы мы сами содержали себя. Сомневаюсь, что святой Фад обрадовался бы, узнав, как мы перебиваемся продовольственными талонами. Близится зима, а я еще не оплатил прошлогодний счет за мазут. Если у вас нет идей насчет других источников обогрева, нам предстоит очень холодная зима, и вряд ли это будет славная перспектива в нашем климате, где температура обычно опускается до минус десяти. И насколько я знаю, никто из нас не принял обет хождения во сне, дабы не замерзнуть в смерть. Или обет переохлаждения.

Я попытался рассеять мрак, охвативший наши души:

— Может, попробуем использовать вино вместо топлива в котельной?

Но попытка пошутить была встречена гробовым молчанием. Кое-кто из братьев одарил меня укоризненным взглядом.

— А это сработает? — с надеждой спросил брат Джером.

Брат Джером, заботам которого были вверены свиньи и домашняя птица, был известен своей простотой — как, впрочем, и религиозным благочестием.

Аббат тяжело вздохнул — как и всегда, когда брат Джером считал нужным изречь одно из своих «полезных» предложений.

— Мы непременно обсудим эту богоугодную идею. Полагаю, брат Тай просто хотел пошутить. Возможно, одного года, проведенного им в обете молчания, было недостаточно. — Аббат бросил на меня сердитый взгляд. — Брат, прошу зайти в мой кабинет. После того как вы поможете брату Джерому вычистить свинарник.

После короткой молитвы аббат предложил всем вернуться к своим обязанностям. Храня молчание, я пошел чистить свиные клетушки. Покончив с этим, отправился на аудиенцию к аббату.

Настоятель, поглощенный чтением, сидел за столом, сделанным из старой двери и двух металлических шкафчиков тускло-коричневого цвета.

— А, брат Тай, — аббат захлопнул книгу и поймал мой взгляд, устремленный на заглавие.

СОЗДАНИЕ ИЗОБИЛИЯ

Ощущение богатства в Поле безграничных возможностей

Дипак Чопра

— Слышали об этом человеке? — Аббат зачитал надпись на суперобложке:

С присущей ему мудростью и простотой мысли Дипак Чопра исследует глубинный смысл сознательного ощущения благополучия, представляя читателям поэтапный план создания изобилия и помогая выполнять его на всех уровнях жизни.

Книги Дипака Чопры расходятся миллионными тиражами. Мне говорили, что его телепрограммы постоянно показывают по образовательному каналу.

— Вы же это не всерьез... — начал я, но тут же примолк. По лицу аббата было ясно, что он говорил *совершенно* серьезно.

Видя, что наш достойный пастырь на грани полного истощения душевных сил, я решил с помощью доброй шутки хоть чуточку подбодрить его:

— Ну и как, цветут лилии полевые на сем Поле безграничных возможностей?

— До поля я еще не добрался. Дипак Чопра назвал свою систему «От А до Я: ступени к созданию изобилия». Это либо необычайно глубокая вещь, либо...

— Полная чепуха?

— Ну, честно говоря, мне было намного проще разобраться в писаниях Фомы Аквинского. Понятия не имею, о чем толкует автор. Вот почему и решил поговорить с вами — ведь на Уолл-стрит вы общались с состоятельными людьми. Как я понял, у Чопры множество последователей. А что *вам* известно о нем?

— Ну, — сказал я, пытаясь уклониться от ответа, — не думаю, что у него можно почерпнуть практические советы по виноделию.

— Давайте посмотрим его советы на букву О, — предложил аббат, перелистывая книгу, и прочел вслух:

«О» — ощущение благополучия и отсутствие беспокойства. Ощущение благополучия предполагает отсутствие беспокойства из-за денег. По-настоящему состоятельные люди никогда не беспокоятся из-за того, что могут потерять свои деньги, потому что им известно: деньги приходят к нам из неиссякаемого источника, что бы последний из себя ни представлял.

Когда мы однажды обсуждали с моим учителем Махариши Махешем Йогой проблему защиты мира во всем мире, кто-то задал

вопрос: «Откуда приходят деньги?» Тот не задумываясь ответил: «Оттуда, где они находятся в данный момент».

Аббат бросил исполненный отчаяния взгляд на ценник книги:

— Я заплатил за это 14 долларов. Теперь мои деньги плывут к Дипаку Чопре. Вот где находятся мои деньги в данный момент! Вопрос в том, как заставить их вернуться.

Я сказал:

— Может, вам стоило потратить эти 14 долларов на бутылку вина? Тогда вы получили бы хотя бы вино без ржавого осадка.

— Вероятно, вы правы. Наверное, мне следовало пойти в винную лавку, а не в книжный магазин. Тогда в данный момент здесь было бы хорошее вино.

Внезапно выражение его лица изменилось. Он с новым интересом уставился на строчки в книге:

— «Оттуда, где они находятся в данный момент... Оттуда, где они находятся в данный момент...»

Аббат поднялся на ноги.

— Брат Тай, у меня есть для вас поручение.

Вот так я оказался за рулем нашего старого пикапа марки «Форд» выпуска 1978 года, направляясь в город и раздумывая по пути над словами аббата. Он выдал мне последние 304 доллара Канского монастыря, велев съездить в винный магазин и купить шесть ящиков «хорошего чилийского столового вина». Я повторял себе, что, наверное, наш настоятель решил попробовать это вино, чтобы подумать, как улучшить наше собственное пойло. Но пока я прислушивался к дребезжанию пикапчика,

подпрыгивающего на ухабах деревенской дороги, внезапно подумал: а зачем аббату понадобилось столько вина?

«Где бы они ни находились в данный момент...» Эта фраза походила на слова, сказанные Уилли Саттоном в ответ на вопрос судьи, почему он ограбил банк: «Ну, потому что именно там деньги и лежат».

Конечно же, аббат не имел в виду ничего недостойного. Настоятель монастыря, названного в честь первого чуда Господа нашего, вряд ли стал бы пытаться превратить одно вино в другое. Нет, нам, безусловно, следовало попытаться улучшить наше собственное вино, а не разливать чужое в свои бутылки просто ради того, чтобы обмануть дядюшку Лео. Как бы то ни было, мы вряд ли могли себе позволить закупить столько «хорошего чилийского столowego вина», чтобы иметь возможность долго дурить головы покупателям. Я убеждал себя, что наш аббат — настоящий святой, благочестивый и достойный человек, который отказался от многообещающей карьеры профессионального футболиста ради жизни, посвященной созерцанию и размышлению. Так я успокаивал себя, вспоминая о данном мной обете послушания.

Добравшись до вершины холма, я услышал громкий скребущий звук — задымилось сцепление пикапа. Пришлось остановиться. Проезжавший мимо водитель любезно согласился позвонить в гараж со своего мобильного. Час спустя я с печальным видом сидел в гараже Кларка и слушал, как сам хозяин, стирая с лица машинное масло, объяснял, что новая коробка передач обойдется в 650 долларов. Я показал свою наличность — 304 доллара, и объяснил, что это все, чем располагает монастырь Каны. Кларк выразил мне свои сожаления и приступил к работе.

— Сделаю, что смогу, — сообщил он, — но не гарантирую, что удастся найти запчасти для вашего музейного экспоната.

Позвонив в монастырь, я выложил аббату печальные новости. Конечно, он был не в восторге и все повторял: «А как же вино? Как же вино?» — так что мне не удалось вставить ни слова.

Внезапно он разразился тирадой, какой мне не доводилось слышать со времен работы на Уолл-стрит. Я всем сердцем сочувствовал настоятелю, слыша, как он волнуется, и постарался успокоить его, пошутив:

— По крайней мере, мы знаем, где находятся наши деньги в данный момент.

Но аббату было совсем не смешно. Я услышал громкий стук, как будто кто-то бросил телефон на покрытый линолеумом пол.

— Алло? — позвал я. Ответа не было. — Алло!

Секунду спустя я услышал полный недоумения голос брата Феликса:

— Что ты сказал аббату?

Я объяснил насчет коробки передач и трехсот четырех долларов.

— Знаешь, я бы не стал больше беспокоить его сегодня, — прошептал брат Феликс. — Похоже, твои новости его огорчили.

— А что он делает?

— Снял свой пояс* и бичует им книгу.

— Кажется, я знаю, о какой книге идет речь.

* Кусок плотной веревки, которым подпоясываются монахи.

— Я лучше побуду с ним, — сказал брат Феликс и повесил трубку.

Кларк позвонил продавцу запчастей, прождал ответа минут пять и, включив телефон на громкую связь, снова забрался под капот. Из динамика раздалась назойливая музыка, которую передавала некая радиостанция из числа тех, что именуют себя «прогрессивными». В наши дни в ассортимент пыток для американских потребителей обязательно входит назойливая музыка в телефоне.

Дело было в полдень — время читать молитвы по требнику, который мы всегда носим с собой. Семь раз в день в определенное время мы читаем Часы — ежедневный набор молитв: утреню, молитвы 1-го, 3-го, 6-го, 9-го часа, вечерню и последний час. Я вынул требник, открыл его на молитвах полуденного чина и попытался читать про себя, сражаясь с грохотом проигрывателя.

Помню как сейчас. Я как раз пытался сосредоточиться на строках, где Господь изгонял бесов из одержимого (сразу вспомнился наш несчастный аббат), когда раздался голос радиоведущего. Это был голос из моего прошлого — голос Уолл-стрит, требующий срочного и немедленного внимания.

— Сегодня днем после обнародования отчета Министерства сельского хозяйства об объеме сельскохозяйственного производства можно ожидать колебания на бирже; особая волатильность ожидается по ценам на свиную грудинку.

Я попытался не обращать внимания на голос из динамика. «Изыди, Сатана», — приказал я, вернулся к своему

требнику и стал читать о демонах, изгоняемых из одержимого. Взгляд упал на следующие слова:

И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море*.

Я ощущил, будто кто-то вселился в меня самого.

— Можно воспользоваться телефоном? — спросил я Кларка.

Мой старый приятель Билл был удивлен (если не сказать больше), приняв мой телефонный звонок «за счет абонента».

— Господе Иисусе, — вскричал он, — так значит, это правда, что ты ушел в монастырь?

Я подтвердил, что дело обстоит именно так, выслушал от приятеля извинения за употребленные им выражения и перешел прямо к делу.

— Билл, я знаю, ты всегда был щедрым человеком. Настал твой шанс помочь святой матери-церкви.

Объяснив насчет состояния финансов Каны, продолжил:

— Я тут слышал горячие новости: вроде как цены на свинью грудинку собираются рухнуть.

Возбуждение, охватившее Билла, можно было прямо-таки потрогать руками. Он зевнул (верный знак):

— Это так же верно, как и все твои прежние новости?

— Билл, — заверил я, — знаю, мой служебной список — не из лучших. Но этот источник — дело верное.

— Ты что, опять под хмельком?

* Евангелие от Марка, глава 5, стих 13.

— Билл, за два года я не выпил ни капли. Ты бы сам не захотел попробовать ту бурду, что мы тут выделяваем. Слово даю.

— Ты о чем?

— Не важно. Слушай, клянусь тебе в двух вещах. Во-первых, я трезв. Во-вторых, это единственный шанс нашего монастыря. Мне нужно занять на один день пару тысяч.

— Две тысячи?

— Билл, для тебя это пустяки.

Последовала долгая пауза. Наконец приятель подал голос:

— Я буду считать это заблаговременным рождественским пожертвованием. Итак, ты хочешь зашортить цены на свиную грудинку на две тысячи?

— Вот именно.

Я постарался придать своему голосу нотки уверенности, пока мы обсуждали детали ставок на резкое падение цены свиной грудинки на товарной бирже.

— Хорошо, — сказал Билл. — Договорились. Как с тобой связаться?

К тому времени, как Кларк нашел нужные детали, давно перевалило за полдень. Пикап должен был быть готов только на следующий день, так что я добрался обратно в Каны на попутке. Мне не пришлось долго голосовать — люди, как правило, не отказываются подвезти монаха.

Я немедленно направился в келью аббата. На лицах монахов, стоявших у дверей, было выражение глубокой обеспокоенности. Они сообщили, что после моего звонка состояние аббата сильно ухудшилось. Покончив с бичеванием книги, он швырнул ее в огонь, воскликнув: “Ego

te expello!»* Пришлось удерживать его, чтобы он не бросился вслед за книгой. Тогда было решено вызвать доктора Кука, очень симпатичного психиатра, работавшего в одной из близлежащих тюрем. В тот момент он уже находился у аббата.

Брат Феликс сказал:

— Доктор Кук употребил выражение «разрыв с реальностью». Думаю, эта штука обычно называется нервным расстройством.

Я бодрствовал вместе с братией, вознося смиренные молитвы во имя исцеления нашего настоятеля, и корил себя за то, что сразу не понял, в каком состоянии пребывал добный аббат, и не смог предвидеть последствия своего телефонного звонка.

Наконец из кельи вышел доктор Кук.

— Я сделал ему укол, — сообщил он. — Аббат — человек крепкого сложения, так что приглядывайте за ним. Сейчас он успокоился, но все время повторяет одно и то же: «Вот где они находятся в данный момент». Это такая молитва?

Монахи покачали головами, а я решил, что лучше не просвещать собравшихся относительно «медитаций» нашего настоятеля.

В этот момент пришел брат Алджернон и сказал, что меня срочно вызывают к телефону. Это был Билл.

— Ну, брат, должен признать, что у вас в монастыре имеются отличные источники информации! Котировки на свинью грудинку рухнули, как ты и говорил.

* «Изгоняю тебя» (лат.). Традиционное восклицание во время церковного ритуала экзорцизма или при сожжении еретиков.

— И как сильно рухнули?

— К закрытию ты заработал 27 000 долларов. На какое имя открыть тебе счет? — Он помедлил. — Не передумал делиться с монастырем?

В полном ошеломлении я повесил трубку. Это была первая достойная прибыль, которую я получил за свою жизнь, и пришла она прямо от Бога. Господь услышал наши молитвы и ответил на них. Я всегда весьма осторожно обращался со словом «чудо», но как еще можно было объяснить то, что случилось со мной в тот день в гараже Кларка?

Я тут же бросился к аббату, чтобы сообщить ему добрые вести, надеясь, что они смогут вывести из глубин отчаяния.

— Отец настоятель? — Когда я вошел в келью, аббат сидел в кровати с остекленевшим взглядом. — Как вы себя чувствуете?

— Bene. Et tu?*

Раньше я не слышал, чтобы он употреблял разговорную латынь, и сумел ответить лишь неуклюжим “Dominus vobiscum”**.

Аббат заговорил — я не совсем понял о чем: то ли о погоде, то ли о коробке передач. Со своими познаниями в латыни я мог только сочувственно кивать, время от времени вставляя “Certe!”***. Наконец произнес:

— Отец мой, я принес замечательные новости.

— Quid?****

* «Хорошо. А ты?» (лат.)

** «Восхвалим Господа» (лат.).

*** «Ну конечно!» (лат.)

**** «Что?» (лат.)

— Мы не могли бы говорить по-английски? Хотя бы минутку?

— Lingua Latina lingua Dei est*.

— Я уверен, это так, но я не знаю, как на латыни будет «свиная грудинка».

— Abdomina porcorum.

— Можно перейти прямо к делу? Знаю, это может прозвучать кощунственно, но, когда в гараже я читал Часы, Господь вдохновил меня сыграть на бирже. Я позвонил старому другу и попросил поставить две тысячи долларов на то, что цены на грудинку резко пойдут вниз. И угадайте что? Так и случилось!

— Quid?

— Мы заработали 27 000.

— QUID?

— Вот, разрешите мне записать это для вас.

Я взял дощечку, лежавшую у его кровати, и записал:

\$MMMMMMMMMMMMMMMMMMMMMMMM**.

Аббат что-то пробормотал. Я придвинулся ближе. Он подсчитывал что-то по-латыни. Аббат поднял на меня глаза:

— 27 000... долларов?

Я кивнул:

— Мой друг открыл на Уолл-стрит счет на наше имя.

Глаза аббата расширились:

— Так вот что он имел в виду!

* «Латынь — язык Господа» (лат.).

** М в латинских обозначениях чисел означает тысячу. Прим. ред.

— Кто?

— Дипак Чопра. Так *вот где* были в тот момент наши деньги! На Уолл-стрит!

Он улыбнулся, и мне никогда не забыть той улыбки.

— О чём вы говорите? — нервничая, спросил я. — Это Господь указал мне путь, а не доктор Чопра. Это случилось, когда я читал полуденные молитвы. Рассказ о стаде свиней в стране Гадаринской. В нашем монастырском требнике, а не в той глупой книжке, которую вы бросили в огоны!

— В огоны! — вскричал аббат.

Он выпрыгнул из постели и бросился вон из кельи, прежде чем я сумел его удержать.

— Книга! — воскликнул он. — Книга!

Вбежав в калефакторий, аббат оттолкнул с дороги брата Феликса и брата Боба и начал лихорадочно рыться в очажной золе.

— Книга! Где книга?

— О какой книге вы говорите, отец настоятель? — спросил брат Феликс.

— Эта книга спасла монастырь!

Брат Феликс шепнул мне: «Мы вытащили книгу. Мы думали, что она поможет доктору поставить диагноз».

Аббат все еще ворошил золу, выбрасывая ее на линолеум.

— Лучше отдайте ей книгу, — посоветовал я.

Брошюра обуглилась, края обгорели. Подпалины изменили слова на обложке, и теперь надпись гласила:

СЪЕДЕНИЕ ИЗОБИЛИЯ

— Вот, отец настоятель, — произнес брат Феликс, протягивая книгу.

Аббат нежно принял ее, как если бы то была рукопись Мертвого моря. Он уселся, осторожно открыл знакомую страницу и прочел вслух:

Чтобы обрести богатство, вы должны выразить намерение быть богатым. Вселенная позаботится о деталях, все организует и предложит возможности.

Я достал свой требник:

— Но ведь эта книга подарила мне вдохновение!

— А кто отправил вас с поручением? — произнес в ответ аббат. — Я намеревался заработать деньги. *А Вселенная позаботилась о деталях.*

Я попытался спорить с ним, но безуспешно. Аббат унес книгу в свою келью. С тех пор в нем произошли великие перемены — хотя в тот момент мы и не подозревали, насколько великие. Но я понимал, что наша жизнь уже не будет прежней, ибо именно в тот день Сам Господь стал нашим брокером. Слушая радио в гараже Кларка, я узнал Первый закон духовного и финансового роста.

|

ЕСЛИ ГОСПОДЬ ЗВОНИТ ТЕБЕ, ВОЗЬМИ ТРУБКУ.

Рыночная медитация № 1

Сколько раз я вынуждал Господа ждать ответа, когда Он звонил мне?

А Господь когда-нибудь поступал со мной так же?

Хоть раз Господь бывал вне зоны доступа?

Как занести звонки Сатаны в «черный список»? Сработает ли определитель номера?

Телефон — это единственное средство, с помощью которого Господь может до меня дозвониться?

Что если Господь позвонит мне «за счет абонента»?

Это очень хорошие вопросы. А теперь в качестве упражнения по отработке Закона составьте список всех случаев, когда Господь звонил вам. (Наводящий вопрос: Он пользовался телефоном?) Для каждого случая заполните отрывной листок «Пока вас не было на месте», где вы запишете цель Его звонка. Вы перезвонили Господу? Или решили, что это вполне может подождать до завтра? Подсчитайте, сколько денег вы могли заработать, если бы сразу перезвонили Ему.

А теперь задайте себе вопрос: сколько денег вы потеряли, отвечая на звонки Сатаны? Подумайте, насколько богаче вы стали бы, если бы отправили эти звонки в «черный список» или просто ответили: «Я вам перезвоню. Сейчас мы обедаем».

Итак, что удалось выяснить из этих подсчетов? Вы потеряли уйму денег, не так ли? Если здесь, на Земле, время — деньги, представьте, чего оно стоит на небесах! Подсказка: чтобы *это* подсчитать, вам понадобится о-очень большой калькулятор!

Не отчаяйтесь. Вы все же купили эту книгу, правда? Так почему бы не начать отвечать на звонки Господа прямо сейчас?

Молитва блудного абонента

Отче наш, Творец неба и проводов, опутывающих Землю, Верховный маршрутизатор всех звонков, даруй мне благо всегда быть на связи, чтобы отвечать на вызовы Твои, а если меня не окажется на месте, даруй мне мудрость немедленно перезванивать Тебе. Прошу Тебя, сделай так, чтобы нам не пришлось оставлять друг другу голосовые сообщения. Научи меня расставлять приоритеты всех моих контактов, деловых и личных, чтобы на исходе дня все срочные звонки были бы сделаны и ничего не оставалось бы несделанным. И пусть Твой личный номер всегда будет у меня в списке «быстрого набора».